

Посельщик. Сибирская повесть. Соч. Н. Щ. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Посельщик. Сибирская повесть. Соч. Н. Щ. В. Г. Белинский

С некоторого времени в нашей литературе появился особенный род романов, которые пишутся с какою-нибудь предположенною полезною целию; эти романы называются нравоописательными, сатирическими, административными, историческими, политико-экономическими, учеными и пр.; но мне кажется, что их всего лучше назвать заказными, ибо, подобно платью и сапогам, они работают на всякую мерку, заранее снятую. Разумеется, в изделиях сего рода басня или содержание ничего не значит, ибо служит только рамою, в которую вставляются диссертации на разные ученые предметы. Эта басня или содержание во всех романах бывает одна и та же, независимо от народа и эпохи, к которым она относится: какой-нибудь чувствительный и великодушный шут, герой добродетели вроде Эраста Чертополохова{2}, ищет руки и сердца какой-нибудь Дульцинеи; им мешают, их разлучают какие-нибудь злодеи, какие-нибудь изверги естества, в лице корыстолюбивого опекуна или жестокосердых родителей; но наши герои не унывают, и после многих разлук, неудач и опасностей соединяются навеки и начинают жить да поживать да добра наживать. Бедный читатель зевает, морщится, клянет сквозь слезы и глупого любовника, и приторную героиню, и негодяев-разлучников, которые, вопреки здравому смыслу и назло вольному мученику, мешают – веселым пирком да и за свадебку. Но не жалеете слишком этого читателя; он не в потере: венец есть награда добровольного мученичества. За свою скуку, за свою зевоту он избавляется от ужасной необходимости читать и изучать систематические ученые и учебные книги и, лежа у себя на постеле, в домашнем дезабилье, узнает, например, некоторые подробности Стрелецкого бунта при Петре Великом, узнает, что и в Камчатке бывает свое лето{3}, узнает, что Пекин – главный город Китая, что Алжир – в Африке и тому подобные истины. Наш век – чудный век: никогда удобства жизни и средства к выполнению самых дорогих желаний самыми дешевыми средствами не были так легки и доступны для всех и каждого. Скоро бедные перестанут завидовать богатым: вы абонируетесь у Семена, Эльцнера, Глазунова – и вот вам за какие-нибудь полтора рубля в год все сокровища европейского и русского гения; вы жертвуете, в продолжение шести лет, в разные сроки сто восемьдесят рублей – и, не топчя порогов университетских аудиторий, не добиваясь ученых степеней, не ломая головы над немецкими и французскими грамматиками и словарями, знаете все, что знает какой-нибудь многоученный профессор немецкого университета, и между прочими диковинками знаете звание, производство в чины и лета жизни Ломоносова;{4} издается ученая книга: она вам необходима, но по своему объему дорога, не по вашему карману; не печальтесь: она выходит тетрадами (par livraisons), а эти тетради продаются по гривеннику, много по двугривенному; откажите себе в удовольствии проехать несколько раз на ваньке – и книга ваша. Слава нашему веку! Но этим еще не все кончилось: промышленность пошла далее. Вы, может быть, не знаете языков и потому не можете читать иностранных произведений; вы, может быть, человек деловой – вам некогда читать и русских книг; вы, может быть, немножко ленивы или имеете антипатию к скучным нынешним путешествиям и ко всему, что отзывается тяжелою ученостию, а между тем не хотите отстать от века и прослыть невеждою: не отчаивайтесь – к вашим услугам романы, о которых я говорил выше сего. Легкое средство! прекрасное средство! Что вам угодно знать? Историю, географию, статистику, политическую экономию, философию, физику, химию? Вы все это будете знать – уверяю вас; только не ленитесь читать романов и повестей гг. Булгарина, Греча, Масальского, Калашникова, Барона Брамбеуса и мн. др. Одному только не выучитесь вы из них – математике. Ох, эта проклятая математика! сердит я на нее: как ни бьюсь, а не лезет в голову! Гг. русские романисты! напишите, бога ради, математический романчик; уроки математики ныне очень вздорожали: ваш роман скоро разойдется!..

Но шутки в сторону; скажу серьезно слова два об этом странном явлении. Кто виновник этого ложного рода романов, этого святотатственного искажения искусства? Вальтер Скотт: поделом так нападает на него почтеннейший Барон Брамбеус{5}. Да, в этих чудовищных романах виноват один Вальтер Скотт; но не будем слишком строги к великому гению, к славе и гордости нашего века, ибо он виноват в сем преступлении так же точно, как, например, у нас Пушкин виноват в киргизских и других пленниках, как Крылов виноват в баснях Маздорфа и г. Зилова, как комедия «Горе от ума» виновата в комедии «Смешны мне люди» и пр. ...{6} Разве человек, венец божия создания, хуже оттого, что обезьяна имеет с ним какое-то отвратительное сходство и беспрестанно передраживает его? Разве искусство менее божественный дар оттого, что глупость и бездарность смешивает его с ремеслом?

Посельщик. Сибирская повесть. Соч. Н. Щ. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Разве художник менее сын неба оттого, что цеховые мастера выдают себя за художников?

Вальтер Скотт создал, изобрел, открыл, или, лучше сказать, угадал эпопею нашего времени – исторический роман. По его следам пустились многие люди, озаменованные печатью высокого таланта и даже гения; но, несмотря на то, он остался единственным в сем роде гением. Есть люди, которые от души убеждены, что исторический роман есть род ложный, оскорбляющий достоинство и искусства и истории. Одно из важнейших доказательств их состоит в том, что романисты часто искажают историческую истину, но понимают ли эти люди, что такое историческая истина? Понимают ли они, что в высшем-то значении сего слова она состоит не в верном изложении фактов, а в верном изображении развития человеческого духа в той или другой эпохе? Но кто уловил этот дух? Разве из одних и тех же фактов не выводят различных результатов? Один историк говорит то, другой другое, и между тем они оба подкрепляют свои противоположные мнения одними и теми же фактами. И кто решит, который из них прав? Причина этому очевидна: здесь искусство совпадает с наукою; историк делается художником и художник историком. Какая цель историка? Уловить дух изображаемого им народа или изображаемого им человечества в какую-нибудь эпоху его жизни таким образом, чтобы в его изображении видно было бытие этой жизни, чтобы сквозь его рассказ трепетала та живая идея, которую выразил собою народ или человечество в ту или другую эпоху своего бытия. В сем смысле Вальтер Скотт, в своем «Иванго» и «Карле Безрассудном»{7}, есть историк в полном и высшем значении сего слова, ибо он в сих созданиях своего громадного гения начертал нам живой идеал средних веков. Прочтя эти два романа, вы не будете знать истории средних веков, но будете знать сокровенную жизнь этой эпохи человечества; прочтя их, вы будете в истории и в фактах искать проверки этого поэтического синтеза, и эти факты не будут для вас мертвы. И это очень естественно: между идеалами и действительностию совсем нет такого неизмеримого пространства, какое обыкновенно предполагают; ибо что такое вся вселенная, как не воплощенный идеал, созданный всемогущим художником? Разве вы можете постигнуть ее жизнь одним умом? Ум анализирует жизнь вселенной, ибо не может охватить ее вдруг; искусству предоставлено синтетическое представление ее жизни, ибо цель искусства есть предображать явления жизни. Разве есть предел художественного творчества, разве не может явиться такой художник, который в одном создании выразит целую и полную идею мировой жизни, а не одни ее частные явления? Говорят еще, что не должно мешать вымыслов с истиною? Но ведь – где жизнь, там и поэзия{8} – это аксиома; а где же, как не в человечестве, наиболее проявляется всеобщая жизнь вселенной, и, следовательно, что же, как не человечество, наиболее должно служить предметом поэтического вдохновения, и потому, что же, как не история, должно доставлять, если можно так выразиться, материалы для художественных созданий?

Теперь очень понятно, в чем состоит главное заблуждение цеховых художников и в чем заключается главный недостаток их заказных изделий. Они хотят знакомить нас с историческими подробностями какой-нибудь эпохи и неуклюже вставляют, или, лучше сказать, втискивают их в пошлую и обветшалую раму любви двух лиц. Жалкие слепцы, они видят в истории человечества события и подробности, нравы и обычаи, а не трепетание вечной идеи жизни человечества, и думают, что они все сделали, если вывели на сцену какое-нибудь историческое лицо, вложили ему в уста несколько фраз, сказанных им при жизни, если сумели избежать анахронизмов и довольно верно с подлинным намалевать несколько картин тогдашнего быта и в примечаниях или выносках подтвердить ссылками на разных авторов[1] достоверность своих изображений. И потому у них вымысел с истиною сливается, точно так же, как масло с водою, и потому их произведение есть анатомический препарат, а не живое создание. Бедняжки, они не знают того, что и сама история, при всей верности представляемых ею фактов, поверенных и очищенных критикою, жестоко грешит против исторической истины, если не выражает идеи жизни народа; они не знают, что Вальтер Скотт потому так увлекателен, истинен и верен в отношении к исторической истине, что выражает дух избранной им эпохи и не гоняется за подробностями, и что посему ему никакого труда не стоило соблюдать мелочную верность в подробностях.

Искусство есть представление явлений мировой жизни; эта жизнь проявляется не в одном человечестве, но и в природе; посему и явления природы могут быть предметом романа. Но среди ее картин должен непременно занимать какое-нибудь место человек. Высочайший образец в сем случае Купер, его безбрежные, безмолвные и величественные степи, леса, озера и реки Америки исполнены дыхания жизни; его дикие, в соприкосновении с белыми, дивно гармонируют с этою девственною жизнью

Посельщик. Сибирская повесть. Соч. Н. Щ. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru американской природы. Вот другой поэт, который, подобно Вальтеру Скотту, породил своими гениальными созданиями тысячи уродливых чад бездарной подражательности. Сколько подобных нелепостей в одной нашей литературе! Но и здесь та же ошибка: наши Куперы изображают нам не таинственную жизнь природы, веющую в безмолвных, современных миру, лесах и степях Сибири, но местности Сибири. Под оболыстительным покровом поэзии они хотят преподавать нам скучные уроки минералогии, зоогнозии и ботаники, географии и топографии.

Так врач болящего младенца ко устам
Несет фиал, сладьми упитан по краям;
Счастливец оболыщен – пьет горькое целенье:
Обман ему дал жизнь, обман – ему спасенье!{9}
Но увы! это горькое целенье хуже ревеню или рвотного порошка!..

О романе, заглавие которого с дипломатическою точностию выписано перед началом сей статейки, нельзя ничего сказать особенного, и потому я нарочно распространился о том роде литературных явлений, к которому он относится. Автор «Посельщика» говорит в своем предисловии: «Повесть сия написана в 1830 году, во время пребывания моего в Сибири, как опыт – выйдет ли что-нибудь достойное чтения из нетронутого тогда еще нашими литераторами сибирского быта». Г-н Н. Щ. сими немногими строками, обнаруживающими его понятия о творчестве, оценил свое творение как нельзя лучше и избавил рецензента от скучного труда разбирать его. Хотя г. Н. Щ. и дает нам знать, что «сибиряки говорят о г. Калашникове, что он забыл язык своей родины, гражданский быт и ошибается против географии и естественной истории», но оправдывает его тем, что «из рук человеческих ничего совершенного не вышло». Я же, с своей стороны, скажу о г. Н. Щ., что он не ошибается, по крайней мере против географии и естественной истории, ибо об них в его романе нет и помину, да и вообще Сибирь в нем очень мало видна, ибо большая половина романического действия происходит в Европейской России, где герой романа рассказывает историю своей жизни. О Сибири же собственно мы узнаём только то, что там бывает очень холодно, что там уходят с заводов каторжные и режут глупых мужиков, которые почитают их умеющими заговаривать ружья; что Сибирь очень богата естественными произведениями и т. п. К концу книги приложено объяснение четырех слов и трех сибирских фраз. Чего ж вам больше? Книжечка, ей-богу, хороша – покупайте-с!

Сноски

1 Например, на г. Успенского и других.

Комментарии

1 Несколько позже Белинский опубликовал рецензию на другое произведение Н. Щ-укина > «Ангарские пороги. Сибирская быль». СПб., 1835 («Молва», 1835, № 13; Белинский, АН СССР, т. I).

2 См. прим. 104 к «Литературным мечтаниям».

3 Имеются в виду произведения: К. Масальский «Стрельцы, исторический роман», чч. I–IV. СПб., 1832, и роман И. Калашникова «Камчадалка», чч. I–IV, СПб., 1833.

4 См. прим. 197 к «Литературным мечтаниям».

5 Белинский высмеивает Сенковского, считавшего, что созданный Вальтером Скоттом тип исторического романа неоправданно беллетризирует исторические события: «Исторический роман, по-моему, есть побочный сынок без роду, без племени, плод соблазнительного прелюбодеяния истории с воображением. Я стою за чистоту нравов...» («Библиотека для чтения», 1834, т. II, отд. V, с. 14). Точку зрения Сенковского высмеивал и Надеждин в ряде статей, в частности в статье «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности» (см.: Надеждин, с. 440). Позднее, в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», Гоголь с возмущением писал о Сенковском: «Вальтер Скотт, этот великий гений... назван шарлатаном. И это читала Россия, это говорилось людям уже образованным...» (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1952, с. 160).

6 О пленниках см. прим. 150 к «Литературным мечтаниям». «Андрей Бичев, или Смешны мне люди» – комедия Эраста Перцова (СПб., 1833).

Посельщик. Сибирская повесть. Соч. Н. Щ. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
7 Речь идет о романах В. Скотта «Айвенго» и «Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская, дева мрака».

8 Это главный тезис диссертации Надеждина «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (защищена в 1830 г. в Московском университете; в этом же году вышла на латинском языке отдельной книгой) (см.: Надеждин, с. 252).

9 Неточная цитата из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, в переводе А. Мерзлякова, ч. I, песнь первая. М., 1828.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!